

Николай Шамрин

Пустыня. Чужие пески

16+

Николай Шамрин
Пустыня. Чужие пески

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Шамрин Н.

Пустыня. Чужие пески / Н. Шамрин — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Повесть рассказывает об одном эпизоде боевых будней подразделения ОКСВ в Афганистане. Имеет ли право командир принимать решение, руководствуясь не требованиями устава, а совестью? Как сохранить верность присяге, если обстановка не оставляет выбора? Что такое настоящее воинское братство? Автор оставляет за читателем право самому найти ответы на эти вопросы.

Памяти павших посвящается

Мы шли по пескам уже больше двенадцати часов. Солнце лениво уходило за горизонт и, наверное, радовалось, глядя на наши обожжённые лица и руки. Оружие и снаряжение с каждым шагом прибавляли в весе по десять килограмм и старательно гнули наши тела к земле. Им было наплевать, что земли-то и не было, а был мелкий, пустынный песок, который уже набился в кирзачи и кроссовки, наждаком сдирая кожу со ступней.

Отряд выполнил задачу, и мы возвращались на базу. Бойцы устали, выбились из сил, но терпели. Мне захотелось сказать им что-то ободряющее. Я остановился, с трудом растянул губы в улыбке и сказал: «Держись, сынки! Мы почти дошли, осталось меньше десяти километров!» Странно, но эти дурацкие слова и впрямь подействовали на них ободряюще. Даже раненные заулыбались, а Смирнов, поправив бинты на руке, спросил: «А вода там будет?» Честно говоря, я не знал, пересохла ли речка от пятидесятиградусной жары или нет, но по-другому я ответить не мог: «Будет! Только много пить сразу нельзя» Солдаты почти с любовью посмотрели на меня и, как один, облизнули пересохшие губы. Как людоеды перед трапезой. Я повернулся и, не оглядываясь, пошёл вперёд. Отряд двинулся за мной.

Уже смеркалось. Это было непривычно, потому что ночь в этих широтах наступает внезапно, без прелюдий. Я знал, что если за ближайшими барханами не покажется речка, то бойцы будут валиться с ног один за другим. Но я мог только мечтать о лучшем, так как давно понял, что карта, составленная полвека назад, не отвечает реальности. Собрав остатки сил, я поднялся на гребень бархана и оглянулся назад. Позади, насколько хватало глаз, расстилалась пустыня. Песок утрачивал свой стеклянный блеск, всё больше погружаясь в густеющие сумерки. Темнота набирала силу, и фигуры моих солдат напоминали призраков. Я отвернулся и вслушался в тишину, стараясь уловить звуки речного потока. Но . . . . . было очень тихо.

Отряд отстал от меня метров на двадцать и только подходил к подножию бархана. Это нас и спасло. Автоматные очереди разрезали тишину внезапно. На войне так принято, оружие всегда стреляет внезапно. И бой в пустыне, как правило, возникает неожиданно, без предупреждений. Услышав выстрелы и свист пуль, я упал в песок. Странно, но я даже успел вспомнить старую солдатскую истину: «Если слышишь свист, то это не твоя пуля. Свою пулю ты услышать не сможешь!» Хватило же времени. Песок набился в рот. Я с трудом сплюнул его без слюны и прокричал: «Ложись! К бою!» На мысли, плевков и команду ушло только одно мгновение. Может даже меньше. Кто знает?

Духи старались прижать нас к песку и не жалели патронов. Они наверняка знали, что мы измотаны физически и, что у нас нет воды. А я не знал, сколько их, заминированы ли подходы к водопою, а, главное, я не знал, есть ли сам водопой? Или речка всё-таки пересохла? Тьма уже опустилась на пустыню, но луна ещё не взошла, а значит и поверхность реки ещё не успела заблестеть. Да и заблестеть она могла, только если не пересохла. Впрочем. . . . . какая разница, от чего подыхать? От пули или от жажды? От пули даже легче, не будешь мучиться, тем более что и свиста «своей» пули ты услышать не сможешь. Вероятно мои бойцы думали о том же, потому что, невзирая на бешеную стрельбу, начали выползать на вершину бархана, занимая позиции и одновременно вытряхивая песок из стволов автоматов. Как песок проникает в кирзачи и в заткнутые тряпками стволы? Наверное, это так и останется неразрешимой загадкой. Да Господь с ней, с загадкой! Не до неё. Вместо пропавшего солнца на небе усаживались белая луна и жёлтые звезды. Их свет озарил пойму таинственной речки и духов, короткими перебежками приближающихся к нашим позициям. Всё это напоминало съёмки фантастического кино, с той лишь разницей, что дубли здесь не предусмотрены и любая нелепая ошибка означала трагический финал недоснятого фильма.

Я знал, что не погибну. И не потому, что заговорён, а потому, что я отвечаю за свой отряд и жизни своих солдат-мальчишек. Понимание этого загнало естественный страх перед смертью куда-то очень далеко. Так далеко, что прибавились силы, и жажда исчезла, как сорок минут назад с неба исчезло солнце. Я огляделся по сторонам. Бойцы уже подтянулись на гребень и заняли позиции. Они ждали моих команд. Духи были уже довольно близко, но темнота снижала эффективность огня, а нам нужно беречь патроны. Наплевать на шквал огня! Я приподнялся на локте и, дурным от горловой сухости голосом, проорал: «Патроны беречь! Огонь открывать самостоятельно, когда они пойдут в полный рост! Они обкурены. Приготовить гранаты! Метать как можно дальше по команде!» Бойцы как роботы, почти синхронно отложили автоматы в сторону и полезли в подсумки за гранатами.

Ночь густела. Здесь, в пустыне, она совсем другая, чем в Союзе. Но луна, как и положено, отбрасывала солнечный свет на пески и освещала духов. Им оставалось пробежать сто метров, не более. Значит, у нас есть секунд сорок, ведь бежать по песку им также тяжело, даже несмотря на привычность. Я снова огляделся по сторонам. Солдаты, как один, смотрели в мою сторону. Ждать больше было нельзя. Крик вырвался из моей гортани, разрывая связи: «По две гранаты.... По духам... Огонь!» Солдаты приподнялись над пустыней и метнули эфки в сторону атакующих. Получилось вразной, но довольно эффектно. Духи попадали на песок, ища у него защиты. Было неясно, кого из них зацепило осколком, а кто упал инстинктивно. Или от страха. Это неправда, что моджахеды не боятся смерти. Боятся! И ещё как боятся. Ну и шайтан с ними! Плохо, что два наших левофланговых, после метания гранат, как-то неуклюже упали, и было не понятно: то ли от усталости, то ли от беззвучных для них пуль.

Духи стали подниматься с песка, и я снова заорал не своим, а каким-то звериным голосом-рыком: «Огонь!» Бойцы тут же отозвались короткими очередями. Удивительно, но духи остановились, замерли, а, затем, повернувшись к нам спинами, бросились бежать к речке. Я, уже спокойно, скомандовал: «Прекратить огонь! Патроны беречь!» Тут же наступила тишина. Как будто и не было стрельбы. Всегда знал, что бой повышает дисциплину, но сейчас она была в каком-то гипертрофированном виде. Я никогда раньше не видел такой синхронности в действиях бойцов. Видимо сказывалась усталость и обезвоженность. Наверное, недостаток влаги в мозгах порождает потребность автоматического подчинения командам. Впрочем, мне было не до философских умозаключений. Я поднялся, и с трудом переставляя ноги, побрёл к темнеющим бугоркам на левом фланге нашего боевого порядка. Я знал, что эти «бугорки» – мои солдаты, которые минуту назад некрасиво и неловко рухнули носами в песок. На ходу повернул голову и тихо сказал: «Санструктора ко мне». Я не сомневался, что буду услышан и потому не удивился шуршанию шагов по остывающему песку. Надо было пересилить себя и отдать ещё одну команду. Я справился и с этой задачей:

– К реке не приближаться.... Терпеть!

Мы подошли к лежащим товарищам. Санструктор осмотрел их. Сначала Раджабова, а затем и Сергеева. Первый был тяжело ранен в грудь, а вот второму повезло меньше, пуля попала в сердце, пробив бронезилет. Оставлять погибших категорически запрещалось, да и без всяких запретов я бы не оставил тело солдата. Медик вколол Раджабову промедол и наложил повязку. Я сказал: «Помоги ему подняться и дойти до отряда». Санитар посмотрел на меня: «Прислать кого-нибудь посильнее?» Я промолчал и, подняв с песка солдата, взвалил его на плечо. Покачиваясь, побрёл к отряду. Санитар, поддерживая товарища, заковылял рядом. Через минуту мы были на месте. Два бойца приняли у меня тело и аккуратно уложили его на песок. Все смотрели на меня.

Солдаты смотрели на меня ..... Они ждали разрешения подойти к воде. От ожидания жажда становилась нестерпимей. А я был уверен, что именно здесь подходы к реке заминированы, так как слева и справа крутые берега вплотную упирались в поток. И ещё, я не знал, где

притаились духи после неудачной атаки и когда они повторяют попытку. Молчать, и раздумывать дольше было нельзя. Я посмотрел на взводного и спросил:

– Старлей, кто в охране?

– Пара на дальнем краю бархана. Вторая, на южной оконечности. Не волнуйся, командир!

Я сам проверил, все подступы просматриваются отлично.

Я помолчал, собираясь с мыслями. Снова посмотрел на старшего лейтенанта:

– Духовское оружие собрали?

– Собрали. Десять калашей, пара пистолетов, правда, старых, но вполне рабочих. Да, ещё, какие-то бумаги в дипломате. На арабском.

– Хорошо...

«Десять! – подумал я. – Неплохо!»

– Не вижу Джураева. ... Где он?

– Джураев с Леденёвым в поиске. Осматривают дальние барханы. – Доложил старлей.

– Хорошо. Пусть Иванов и Дадашев возьмут КаЭРы и осмотрят подходы к водою.

Мины не обезвреживать, только обозначать. Растяжки снимать с чекою. Всё отметить флажками. Ясно? Старлей! Надо поторопиться! Надо набрать воды до атаки.... Только проверь, чтобы обеззараживали. Обязательно! Вперёд, старлей. Ты – старший группы «сапёров». Ясно?

– Понял, командир. – Старлей автоматически козырнул и повернулся к бойцам.

Я посмотрел на тело погибшего солдата.

– Как тебя домой доставить? А, Сергеев? – подумал я вслух. – Ладно, донесём, не сомневайся.

– У нас ещё три раненных. – Санинструктор навис над моей головой. – Раджабов тяжёлый. Его тоже надо нести и чем скорее, тем лучше. Он сейчас на промедоле. Спит, вернее без сознания. Без вертушек живым не доставим.

– Как остальные, раненные?

– Нормально, держатся ребята. – Медик помедлил, потом повернулся и пошёл к товарищам.

Группа сапёров подошла ко мне. Старлей остановился:

– Командир. Мы готовы.

– Ты всё понял? – Я посмотрел в глаза офицеру. – Надо проверить быстро и надёжно.

Другой спуск искать некогда.

– Я всё понял. Командир, если, вдруг .... Ну, ты понял. Жене напиши.

– Напишу. Иди уже. Будь внимательней. И осторожней.

И вдруг, я вспомнил:

– Погоди, старлей. Принеси дипломат с бумагами на арабском.

Взводный повернулся и побежал к оставленному на песке эр-дэ. Я оглядел бойцов. Даже в темноте было видно, как тлеют их обезвоженные глаза.

– Скоро. Уже скоро. Надо потерпеть двадцать минут. – Я сказал достаточно громко, чтобы все меня услышали.

– Ничего! Дольше терпели. – Донеслось из темноты.

Я узнал голос Иманявичуса и мысленно поблагодарил сержанта. С гребня бархана на меня полился песок, и вниз скатились три туловища. Это были Джураев и Леденёв. Между ними слегка шевелился моджахед с кляпом во рту и пуштункой на голове. Пленный был молод, не старше 18-ти – 19-ти лет, совсем «байча». Пацан, по-нашему. Щетина только начала пробиваться на впалых щеках и верхней губе. Правый рукав рубахи-перухана был разорван у плеча, видимо мои бойцы искали следы оружейной отдачи. Они нашли синяки на плече басмача. Говорят, сам Семён Михайлович ввёл в практику такую «экспертизу». Товарищ Будённый был прав. На все сто.

Я посмотрел на Джураева:

– Ты знаешь его язык?

– Конечно. Язык его народа – мой язык! – Джураев бесстрастно смотрел мне в глаза. Его лицо ничего не выражало: ни сожаления, ни усталости. Ничего.

– Он что-нибудь говорил?

– Да, он сказал, что их отряд ждёт подкрепления. Оно будет через два часа. У них будут два миномёта и базуки. И тогда они выпустят из нас кишки и кровь. Он так сказал. – Солдат замолчал и опустил глаза.

– Дух говорил про мины?

– Да, я спрашивал. Он сказал, что сам устанавливал и противопехотки, и растяжки. Он знает тропу и готов провести нас к реке с условием, если Вы его потом отпустите к своим. – Джураев вопросительно посмотрел на меня.

– Хорошо. Леденёв, позови взводного.

Старлей пошатываясь, подошёл к нам. Было видно, что он сильно устал и держится из последних сил. Но он единственный кто мог справиться с задачей. У меня просто нет выбора.

– Слушай, старлей! Ваш «поход» отменяется. Сейчас дашь басмачу шуп и флажки. Привяжешь его за пояс верёвкой, чтобы не сбежал. Есть метров двадцать?

– Есть.

– Джураев объяснит духу, куда втыкать флажки. Басмач покажет тропу к воде. Вы с Иманявичусом будете его «пасти» на верёвке. Всё ясно? Выполняй!

Взводный снова нелепо козырнул и пошёл к сержанту-литовцу. Джураев вытащил кляп изо рта пленного и что-то начал ему объяснять. Тот слушал молча, не переспрашивая, лишь иногда кивал головой, изредка посматривая на меня. Время летело очень быстро, хотя часы говорили об обратном. Подошёл старлей:

– Командир. Всё готово. Надо бы побыстрее, бойцы совсем никакие! Даже не знаю, на чём держатся. Иманявичус сейчас подойдёт. Верёвка есть.

– Я, здесь. Уже. – Сержант тяжело опустился на песок, – я готов. Надо бы побыстрее. Ребята совсем никакие. Все пить хотят, есть не могут.

– Знаю. Взводный только что сообщил. Слово в слово. Джураев! Как там басмач? Готов? Я отпущу его, как только мы подойдём к реке. Переведи.

Джураев кивнул, толкнул духа и что-то коротко сказал. Тот посмотрел на меня и поднялся с песка, подняв руки вверх. Боец обернул верёвку вокруг пояса пленного и завязал узел на его спине.

– Это пастуший узел. Меня отец научил. Не развяжется и не убежит. – Джураев для пущей убедительности подёргал узел, – надо идти. Ребята совсем никакие....

– Знаю, – оборвал я его, – уже два раза слышал. Вы, что текст вместе писали?

Солдат недоумённо посмотрел на меня, но ничего не сказал, только слегка подтолкнул душмана вперёд и передал конец верёвки Иманявичусу. Парень поднял шуп и осторожно пошёл вперёд. Взводный встал рядом с сержантом и оглянулся на меня:

– Ты бы отошёл, командир? Подальше. Не равён час.....

– Заткнись. Следи за байчэй. Сами не подходите. Верёвки не хватит, если вдруг.

– Не дойдёт. Подорвётся. – Это уже Джураев сказал. – Он говорил, духи мин не жалели. Знали, что к воде будем прорываться. Они нас и без гранат к реке пропустили бы. Так начальник решил. Потом добились бы. Начальник приказал пленным не брать. Только стволы и рации. Вашу – обязательно целой.

Я привык, нет, я сросся со своей радиостанцией и совершенно забыл, что она весит без малого пятнадцать килограмм. Когда-то комбат обматерил меня за промедление с ответом на радиозапрос. С тех пор я отказался от связиста и сам носил свой «багаж». Связь, что на сопровождении, что на «боевых», основа основ. И я благодарен комбату за урок. Неудивительно, что душманский начальник мечтал об «аппарате».

– Ещё он сказал, что в дипломате списки душманских активистов и задания на ближайшие две недели. Он случайно увидел. Начальник не знал, что Абдулбаки грамотный, учился в медресе и знает арабский. – Джураев замолчал, взгляды в спину уходящего парня. – Подорвётся!

– Да, умолкни ты! Хватит. Он выведет нас к реке, и я его отпущу. По-нормальному, не так как принято у кого-то. Пусть живёт. Может, поймёт, что мы ему не враги.

– Не поймёт. Его родные погибли от авиабомбы. Все. У нас тогда говорили, что наводчик ошибся. Помните?

– Помню. Его как зовут? Я не расслышал.

– Абдулбаки. По-русски «раб вечного». Или как-то так.

– Ясно. Не мешай.

Фигура нашего «миноискателя» постепенно размывалась и начинала походить на ночной мираж. Я видел миражи, но только днём. Наверное, ночных миражей не бывает. Я не видел. И не слышал. Посмотрел на часы. С момента «старта» прошло полторы минуты. Если «раб вечного» не соврал, то у нас в запасе часа полтора, чтобы напиться, набрать воды и оторваться от духов. Ещё надо решить проблему с транспортировкой Сергеева и Раджабова. Носилки в рейд не берут, а сейчас они очень быгодились.

– Ты, вот, что боец. Не хрен здесь ошиваться. Возьми кого-нибудь в напарники, посмотри, может палки найдёшь. Для носилок.

– Есть, товарищ капитан. Найдём. Там в километре пуштунская палатка брошенная. Песком занесло. Наверняка жерди есть. Я Ледка с собой возьму. Можно? Он из Сибири. Крепкий!

– Леденёва, что ли?

– Ну, да. Леденёва.

– Хорошо. Иди уже. Только будьте осторожны. Духи где-то недалеко. Посты предупреди, чтобы не беспокоились. Если, что, рвите назад. Ясно?

– Так точно! – Джураев, зашуршал песком и исчез в ночи.

Подошёл медик. Он стоял за моей спиной и не решался начать разговор. Я всем телом повернулся к нему:

– Что? Раджабов?

– Нет. Пока дышит. Но вряд ли дотянет. Нам же до связи ещё километров десять топать?

– Пятнадцать. – Я посмотрел в глаза санинструктору, – ты, вот что! Если доставишь его живым, представлю к награде. Ладно, не бычьись! Я, так, к слову. Но ты постарайся! Хорошо?

– Есть, товарищ капитан. Я постараюсь. Что смогу.

Я посмотрел в спину уходящего медика. Он шёл, ссутулившись, загребая кирзачами песок. В этом, растворяющемся понемногу силуэте, чувствовалась какая-то обречённость. Впрочем, это могло мне только казаться. Устал фельдшер, вот и гнёт его пустыня. Сумка с «таблетками» чуть меньше радиостанции весит. Я поднял глаза к луне.....

Я поднял глаза к луне и не успел рассмотреть каверны-кратеры на белом диске. Взрыв разорвал тишину. Огненный всполох на мгновение озарил подножие бархана. Там, где пару секунд назад стоял безусый моджахед, кружась, оседал песок. На чём подорвался байча, было уже неважно, гораздо важнее было то, что упал старлей. Упал как подкошенный. Я рванулся к нему, вернее, к ним. Иманявичус сидел на корточках, держась за голову. Он был контужен взрывной волной. Я не стал тревожить его бесполезными расспросами, а лишь призывно махнул рукой санинструктору и перевернул взводного на спину.

– Живой? – Вопрос был глупым, но так спрашивают всегда!

– Живой, – голос прозвучал слабо, – просто долбануло в плечо. – Старлей посмотрел на меня мутными глазами.

– Глянь, что там, у меня? – он затих и прикрыл веки ладонью левой руки.

В правом плече офицера, сквозь «песочку», торчал осколок. Светлая куртка набухла от крови. Если бы осколок прошёл навывлет, кровь хлестала бы фонтаном.

– Медик! Твою мать! Быстрее! Сделай что-нибудь. – Команда была лишней, санинструктор уже склонился над лежащим офицером и лихорадочно вытряхивал из сумки медикаменты. Двое бойцов со шупами в руках бежали к нам. Бежали медленно, с трудом переставляя ноги.

– Так. Идёте след в след. У воронки осмотритесь внимательно. До воды осталось метра два, не больше. Береговую линию необходимо проверить тщательно. Духи могли поставить там мины. Наберёте воды во фляжки и возвращайтесь назад. Всё ясно?

– Так точно, товарищ капитан! – Бойцы осторожно обогнули нас и двинулись к месту подрыва. Я позвонил трём, ближайших ко мне солдат:

– Берите термоса и ко мне. Быстро! – Я посмотрел на медика. Тот бинтовал плечо взводного. Офицер был без сознания.

– Как он?

– Тяжёлый. Сам не дойдёт. Я ввёл промедол. Сейчас ему уже не больно. Спит. Не понимаю, как мы их потащим?

– Не «потащим», солдат! Мы их доставим. Живыми. Так будет.

– Понял, товарищ капитан. Доставим. Так будет!

Откуда-то сверху скатились Джураев и Ледок. В руках они держали жерди и рулон грубой ткани – «верблюжки», которую пуштуны натягивают на каркасы своих шатров. Странно, но солдаты не выглядели уставшими, наоборот, от них веяло силой и уверенностью.

– Всё-таки подорвался. – Джураев посмотрел на Леденёва.

Может быть, они заключили пари? С них станется. Но мне было не до того. Подошли бойцы с термосами. Двое «сапёров» уже закончили проверку и возвращались к отряду. Я посмотрел на часы. Наша фора перед моджахедами катастрофически таяла с каждой секундой.

– Вы.... Вот, что! Как только «сапёры» выйдут с тропы, хватаете термоса и, мухой к реке. Набираете воду и назад. Времени нет вообще. Нам надо уходить отсюда. Скоро к духам подойдёт подкрепление с миномётами. Если не успеем уйти, то нам.... Понятно? Будьте осторожны. С тропы не сходить.

– Есть, товарищ командир – ответ прозвучал не по уставу, но мне было наплевать на условности.

– Товарищ капитан, – Леденёв стоял почти навывтяжку, – мы с Джурой носилки смастерили. Крепкие. Ребятам будет удобно.

– Молодцы! Грузите раненных и Сергеева. Распределите бойцов. Как только напьёмся, сразу уходим. Отдохнули достаточно. Нам ещё с десятков вёрст надо отмотать.

– Товарищ капитан! – Джураев стоял, держа в руках дипломат. – Как с ним? Может, закопаем? Или в реку выбросим?

– Я тебе выброшу! Держи при себе. Головой отвечаешь. Понял?

– Есть, товарищ командир! – Было видно, что солдат рассчитывал именно на такой приказ, ему не надо было «впрягаться» в носилки.

Я посмотрел на него и подумал, что и Джураев, и Леденёв, заслужили этот «хитрый» отдых. Они намотали по пустыне лишней «трёшник» и прошли бы ещё немало километров. Если бы потребовалось. Я знал, что они в любой момент заменят товарищей уставших нести тяжёлые носилки. Но, это – лирика. Сейчас не до неё. Нам надо уходить.

Сколько длилась эта «мелодрама» я не знаю. Не засекал. Но очнувшись от мыслей, я увидел, что «сапёры» уже вышли с тропы и раздают фляги истощённым от обезвоживания товарищам.

– Товарищ капитан! Это – Вам! – «сапёр» протянул мне прохладную, запотевшую фляжку.

Я судорожно заглотнул остатки слюны:

– Спасибо. Я потом. Отдай пулемётчику. Он, похоже, уже и встать не может.

– Есть! – Боец с уважением посмотрел на меня, – сейчас «водоносы» вернутся и всех напоят. Вы же на ногах еле держитесь!

Я был тронут почти сыновьей заботой подчинённого, но оценка моего физического состояния мне не понравилась:

– Ты, что несёшь, боец?! Исполнять!

Солдат также нелепо, как ранее старлей, козырнул и побрёл к пулемётчику. Странно, мне казалось, что солдаты не видят моей усталости. А, оно вот как на самом-то деле! Я поправил «разгрузку» на груди, чтобы придать себе бравый вид «железного» командира.

– Товарищ командир! – Джураев вынырнул из темноты.

– Послушай, солдат! Ты, конечно, молодец, но если ещё раз обратишься ко мне не по званию, я посажу тебя на «губу». Дома. Когда вернёмся. Понял?

– Так точно! Товарищ капитан! – Глаза Джураева потеплели и наполнились смехом, – дома можно! Я с удовольствием!

«Водоносы» вышли с тропы. Бойцы окружили их и, уступая очередь самым нетерпеливым, наполняли фляжки речной водой. Я прислушался к ночи. Было тихо. От этой тишины в сердце проник тревожный холодок. Было очень тихо! С гребня бархана скатился снайпер из числа солдат находившихся в охранении.

– Товарищ капитан! Моторы! Барбухайки едут.

Два глупейших вопроса в моей жизни:

– Сколько?

– Далеко?

Как мог боец посчитать количество машин и определить расстояние до колонны? Да никак! Но я всё-таки спросил:

– Сколько? Как далеко?

Снайпер ничуть не смутился и бодро соврал:

– Машин пять, не меньше. С километр от нас.

– Хорошо. Оповести охранение. Пусть снимаются и все ко мне. Понял? Напьюсь потом. Потерпишь. Быстрее.

Я не удивился, увидев, что и снайпер стал взбираться на гребень бархана, предварительно приложив руку к панаме.

– Все ко мне! Группам принять носилки. – Команда остановила солдат не успевших наполнить фляги живой водой.

Все понимали сложность нашего положения, и чувство опасности придавало им силы. И веры в меня, своего командира. Строя не было, бойцы просто окружили меня и ждали «пламенной» речи. Я оглядел всех и сказал:

– Нам надо уходить. Охранение слышало барбухайки. У них миномёты. Отрыв у нас небольшой. Надо торопиться. До точки связи ещё десять километров. Там запросим вертушки. Леденёв! Возьми братьев-чеченцев. Втроём прикроете «хвост». В авангард пойдут Васильев и Оганесян. Отряд будет за вами в пределах видимости. Если что, успеем подсобить. Всё. Вперёд ребята! Группы с носилками за мной. Остальным не отставать. С Богом!

Отряд двинулся вперёд, на ходу выстраиваясь в определённый мною походный порядок. Я оглянулся. На миг показалось, что в небе сверкнул луч фар духовской колонны.

Да, я соврал им, своим подчинённым, но это была ложь во спасение. Кажется, так называется враньё для укрепления духа. До точки связи было пятнадцать, если не больше, километров. Но угрызений совести я не чувствовал. Наоборот, появилась уверенность, что мы с каждым шагом отрываемся от преследователей. Тревога ушла из сердца, уступая место спокойствию. Всё просто! Когда тело выполняет привычную, пусть и монотонную работу, думать некогда.

Ночь остановилась. Луна и звёзды по-прежнему освещали пустыню, но где-то у горизонта уже появилась тонкое лезвие рассвета. Тишину изредка прерывали стоны раненных товарищей. В такие моменты возвращалась тревога. Тревога за их жизни. Одного, Сергеева, уже не вернуть. Я остановился:

– Медик! Как взводный?

– Спит. Похоже, с ним всё будет хорошо. Но, вот Раджабов! – Санинструктор сделал паузу и выдохнул, – не знаю. Дотянет ли?

– Ясно. Ты почаще осматривай его. Вдруг, что-нибудь потребуется.

Наверное, я снова «сморозил» глупость, но я был обязан завершить разговор напутствием. Медик тоже понимал это:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.